

УДК 159.947+15.81.57

**ВЛИЯНИЕ СЕМЕЙНОЙ СИТУАЦИИ РАЗВИТИЯ
НА ФОРМИРОВАНИЕ ПРЕСТУПНОГО ПОВЕДЕНИЯ***М. В. Трофимова*

В процессе развития, воспитания у каждого человека формируется определенная система отношений к различным сферам жизни и деятельности, складывается определенная система ценностных ориентаций, интересов, эмоциональных предпочтений, что и определяет его поступки, поведение в целом.

Предполагается, что у лиц, осужденных за преступления, система отношений нередко характеризуется дисгармоничностью, противоречивостью, разнонаправленностью, враждебностью, является результатом фрустрированных потребностей (в частности, аффилятивной и в достижениях) и разочарований в межличностных отношениях. Отношение человека к различным сторонам жизни и деятельности (к людям, труду, к родственникам, к себе, к своим влечениям и потребностям и т. д.), чувства и эмоции, которые при этом у него возникают, проявляются в конкретных мотивах его поведения (в том числе противоправного), процесс реализации которого укрепляет, развивает или изменяет эти отношения.

Данное предположение подтверждается результатами проведенного исследования особенностей системы отношений осужденных к различным сферам жизни и деятельности при помощи методики «Незаконченное предложение» (Сакс – Сидней), анализа биографии.

В исследовании приняло участие 97 осужденных, отбывающих наказание в исправительной колонии строгого режима. Все испытуемые – мужчины. Возраст испытуемых от 20 до 55 лет. Среди них в возрасте 20 – 30 лет – 54 %, 31 – 40 лет – 32 %, старше 41 года – 13 %. Впервые осужденных – 32 %, соответственно неоднократно судимых – 68 %.

Большая часть преступлений совершено в возрасте до 30 лет (79 %), в период наибольшей личностной активности, становления системы отношений к различным сферам жизнедеятельности, утверждения себя в значимом окружении. В частности, среди респондентов впервые осужденных в возрасте 14 – 20 лет – 51 % (из них в 17 лет – 39 %), 21 – 30 лет – 40 %. Лишь 9 % испытуемых впервые осуждены в возрасте старше 31 года, причем 87,5 % из них за насильственные преступления (убийства). Исходя из этого, можно сделать вывод о достаточно раннем формировании устойчивого антисоциального поведения.

Большая часть преступлений носит корыстно-насильственный характер (разбои, грабежи с угрозой для жизни, применением оружия, хулиганские и насильственные действия, сопряженные с кражами и т. д.) – 51 %, из них неоднократно осужденные – 83 %. С устойчивой корыстной направленностью – 23 %, неоднократно осужденные – 91 %. Имеют на-

сильственную направленность – 25,5 %, неоднократно осужденные – 17 %.

Из всех испытуемых 27 % имеют среднее техническое и специальное образование, 37,5 % – полное среднее образование, 29,5 % имеют неполное среднее образование, 6 % – неоконченное высшее и высшее образование. Лица, совершающие преступления, представляют собой группу людей, имеющих в основном неполное среднее и среднее образование.

Такое соотношение респондентов отражает общую картину распределения осужденных по возрасту, образованию в исправительной колонии в целом.

До заключения 57 % респондентов были безработными, 8 % не имели определенного места жительства. Это может свидетельствовать о неблагоприятии социального и материального положения (статус безработного, невозможность обеспечить себе и своей семье материальный комфорт).

Около 59 % осужденных воспитывались в полной семье, 29 % испытуемых воспитывались без отца, 7 % – в интернатах, 2 % – воспитывались без матери. При наличии родителей, 3% воспитывались другими родственниками. На момент совершения преступления 37 % исследуемых были холостыми, 32 % – женатыми, 14 % – разведенными, сожительствовали – 17 % (большая часть из них считают себя холостыми). У 39 % осужденных имеются дети.

В семьях у 41 % осужденных проявлялось общее семейное неблагополучие.

У 26,5 % из них кто-либо из членов семьи был осужденным (отец, брат, реже мать), у 16 % в семье кто-нибудь из близких родственников имел инвалидность (мать, реже отец, сестры), у 4 % психические отклонения, в 6 % семей были лица, страдающие алкоголизмом (отец, мать, братья).

Определенная закономерность отмечается между возрастанием числа судимостей и количеством членов семьи, в частности братьев и сестер. Так, у 33 % респондентов от двух и более братьев и сестер. При этом 43 % данных осужденных неоднократно судимы, а 75 % имеют устойчивую корыстно-насильственную направленность. Лишь 12 % опрошенных являются единственным ребенком в семье.

Отмечают конфликтность в отношениях с родственниками 26,5 % респондентов, причем частый их характер у 38 %. 71 % в целом отличаются конфликтным поведением (в семье, среди сверстников, в школе, на работе), причем 39 % из них имеют устойчивую корыстно-насильственную направленность. Значительная часть конфликтов возникает из-за ощущения ограничения свободы действий (26,5 %), материальных затруднений (12 %), вмешательства родственников в отношения с другими

(12 %), ощущения недостатка ласки, заботы, понимания (14 %), невозможности удовлетворить актуальные потребности (6 %).

Эти результаты могут подтверждать наши представления о роли семьи в становлении антисоциальной направленности поведения личности. То есть, можно предположить, что одним из последствий неблагополучия в семье, наличия в семье примера девиантного поведения, депривации ранних эмоциональных контактов, неравномерного распределения родительского внимания и т. д., становится формирование антисоциальной направленности поведения.

Чаще всего родители будущего правонарушителя вообще не совершают никаких противозаконных действий. Напротив, они обычно предпринимают необходимые, по их мнению, усилия для нравственного воспитания своих детей, или, как минимум, пытаются добиться внешне нравственного послушного поведения. Но их усилия в большинстве своём не достигают цели, если исходят от лиц, с которыми у ребёнка нет эмоциональных связей или они существенно ослаблены.

Отсутствие необходимых психологических взаимосвязей в семье, школе, как правило, компенсируется их установлением в неформальных малых группах, также обычно состоящих из лиц, не имеющих прочных связей в семье и школе. Если последние придерживаются антиобщественных ориентаций в плане способов приобретения материальных благ, то при стремлении к идентификации с ними, обретению членства в них, постоянному общению с участниками таких групп нормы и ценности последних сравнительно быстро и легко аккумулируются личностью, что и объясняет выбор именно преступных действий как способа получения желаемого.

Если мать, отец или заменяющие их лица не выполняют возложенных на них функций, у ребёнка появляется ощущение своей незащищённости, неуверенность, беспокойство. Важно подчеркнуть, если у ребёнка не удовлетворяются эмоциональные потребности, то у него может не сформироваться потребность в общении с людьми как следствие существования дистанции, образовавшейся между ним и родителями на раннем этапе жизни. В результате эмоциональной депривации закладываются основы будущего социального и психологического отчуждения индивида, непонимания и неприятия им окружающей среды и её ценностей, в том числе закреплённых в праве, и даже ожидания угрозы со стороны окружающего мира. Незрелость социальной по своему происхождению потребности в общении начинается в наиболее чувствительном периоде жизни человека.

Обобщаясь и углубляясь, эти социально-психологические образования становятся всё более устойчивыми и ригидными, деформируют личность, приобретают стержневой характер, начинают самостоятельно развиваться. Создаются аномальные личностные структуры, которые затем начинают избирательно реагировать только на некоторые, как

бы для них предуготовленные социальные воздействия, отфильтровывая их из массы других. Эти структуры, а тем более вся структура личности в целом, ею не осознаваемы, поэтому возможности управления своим поведением весьма ограничены.

Отсутствие или значительная бедность эмоциональных контактов ребёнка с матерью и отцом, отвержение его одним из них и особенно обоими есть психологическое отчуждение индивида, с которого начинается дальнейшая дезадаптация. Отвержение в детстве, таким образом, представляет собой и социальное отчуждение, порождённое конкретными отношениями, сложившимися в этой малой социальной группе. Следовательно, дезадаптация, наблюдаемая у многих преступников, имеет социально-психологическое происхождение.

Эти выводы о криминогенной роли эмоциональной депривации ребёнка в формировании мотивов будущего преступного поведения основываются на положении о том, что семья имеет центральное значение для развития личности. Каждый её член естественным образом выполняет определённую роль в удовлетворении жизненных потребностей ребёнка. В первый период – это мать, которая ухаживает за ребёнком и предоставляет ему первые интенсивные эмоциональные стимулы, лаская, улыбаясь ему, разговаривая с ним.

Значение отца, представляющего определённый тип поведения, а также источник уверенности, авторитета, осознаётся в более позднем возрасте, но оно существенно уже в ранние годы.

Когда человек испытывает дискомфорт, он начинает искать то, что мешает ему жить, причиняет беспокойство, доставляет неприятные переживания. Этот поиск психологически накрепко связывает его с окружающими личностями и событиями, ставшими источником его бед. Если неблагоприятные влияния длительны, то со временем индивид попадает в жестокую зависимость уже от собственных переживаний по поводу указанных внешних обстоятельств. Такая зависимость начинает определять его поведение, и именно она качественно отличает преступников от неправошащих. Остро реагируя на нежелательные воздействия среды, правонарушитель не видит иного выхода из ситуации, кроме преступного.

Чем выше зависимость человека от собственных переживаний и чем они болезненнее, тем вероятнее совершение им безнравственных поступков. Предполагается, что эта личностная особенность формируется в раннем детстве, если ребёнок лишен естественной родительской, особенно материнской, теплоты и заботы.

Отвержение родителями ребёнка и его последующее отчуждение приводят к формированию необратимых психологических особенностей, общей неуверенности в себе и в своём месте в жизни, в своём бытии, боязни утраты себя, своего «Я», тревожных ожиданий негативного, даже разрушительного воздействия среды.

Тревожная личность иначе видит мир, воспринимает внешние воздействия и реагирует на них.

Предполагается, что тревожность может быть разного уровня: может достигать страха смерти, и тогда человек начинает защищать свой биологический статус, своё биологическое существование – отсюда совершение насильственных преступлений как способ защиты от мира, субъективно воспринимаемого как опасный. Тревожность может сформироваться и сохраниться на уровне беспокойства и неуверенности как свойств, внутренне присущих личности (корыстные преступления).

Наличие тревожности, бессознательное ощущение призрачности и хрупкости своего бытия являются субъективной причиной преступного поведения. Тревожная личность при угрозе своему бытию способна преодолеть любые нравственные преграды.

Следовательно, глубинный личностный смысл преступного поведения – в защите своего бытия. При этом не имеет значения, действительно ли имело место посягательство (в любой форме и любой силы) на это бытие, важно, чтобы какие-то факторы субъективно воспринимались как угрожающие (1).

Таким образом, с точки зрения данного подхода, непосредственной причиной преступного поведения является неблагоприятные условия формирования личности в результате взаимодействия психофизиологических особенностей и внешней среды, а также взаимодействия личности и конкретной жизненной ситуации, в которой человек находился непосредственно перед совершением преступления. Объективно существующие причины, в том числе экономического порядка, действуют через многие другие, не исключая и социально-психологические факторы.

Обсуждение результатов исследования

Анализируя полученные данные по методике «Незаконченные предложения», можно отметить следующее. Данная методика позволяет путем количественной обработки определить наиболее дисгармоничную систему отношений испытуемого. Однако наиболее информативной является качественная обработка, позволяющая наиболее точно и эффективно выявить актуальные потребности и мотивы личности, в частности аффелятивные тенденции и чувствительность к отвержению, стремление к успеху или избегание неудачи. Достаточно точно можно оценить общие ожидания человека при установлении отношений (как позитивные, так и негативные), особенности уровня притязаний, эмоциональную реакцию на успех или поражение, неудачу, ориентацию на будущее, личностные изменения, фактор зависимости / независимости в межличностных отношениях. Также в контексте совершенных противоправных действий имеет особое значение фактор вины (ее осознание, направленность во вне или на себя), переживания осужденным определенных эмоциональных состояний (подавленности, угнетенности, страха, тревоги) в процессе отбывания наказания.

При всей ценности многочисленных данных о неблагоприятных семьях, многие выходцы из таких семей никогда не совершают преступлений. Отсутст-

вие, например, отца или его аморальное поведение далеко не всегда формируют личность преступника. Однако весьма многочисленны случаи совершения опасных преступлений лицами, которые воспитывались во внешне вполне благополучных семьях. Поэтому можно считать, что решающую роль играют не состав семьи, не её материальное положение, не отношения между родителями и не их, возможно, противоправное поведение, а, главным образом, их эмоциональное отношение к ребёнку, его принятие или, напротив, отвержение.

Так 32 % опрошенных осужденных отмечают недостаток внимания со стороны отца («не был со мной», «не занимался мною», «плохо воспитывал», «мало общался со мной»), 26 % считают, что «если бы отец только захотел...», то «я бы все сделал», «я бы не сидел», «я был бы другим» и т. д. В то же время 22 % отмечают в целом низкую жизненную и социальную активность со стороны отца («ничего не достиг», «мог бы сделать больше» и т. д.).

В целом значительная часть осужденных (65 %) испытывают амбивалентные чувства по отношению к отцу: негативные оценки его поведения («пил», «ушел из семьи», «не помогал», «самолюбивый», «глупо поступал», «был подлецом» и т. д.) сочетаются с позитивными ожиданиями («чтобы простил меня», «чтобы вернулся к нам, к матери», «чтобы был рядом, приехал, навестил», «чтобы не забывал», «все-таки он мой отец», «все равно он меня любит» и т. д.).

Положительными характеристиками наделяют своего отца 54 % опрошенных осужденных («хороший», «отличный», «лучше всех», «любит меня», «понимает» и т. д.). Кроме того, «самым живым воспоминанием детства...» 17,5 % респондентов считают время, проведенное с отцом (рыбалки, прогулки, игры и т. д.).

Если отцу принадлежит роль «воспитателя», «наставника», то мать отвечает за эмоциональную сторону отношений, отмечая такие ее качества, как «доброта», «любовь», «нежность», «забота» и т. д. (54 %). Так, воспоминания об отце из детства больше связаны с познавательной деятельностью, активностью (игры, рыбалка и т. д.), а воспоминания о матери – с эмоциональными переживаниями (любила, заботилась и т. д.).

Положительное отношение к своей матери, ощущение взаимопонимания, ее положительного влияния отмечают 80 % испытуемых. Лишь 20 % респондентов отмечают негативное отношение к матери, взаимное недопонимание, злобу из-за аморального поведения последней («пьет», «не любит меня», «бросила меня»). При этом 22 % отмечают наличие чувства вины из-за своего недостойного поведения по отношению к матери («причинял ей боль», «обидел мать», «доставил ей страдание», «обманывал...» и т. д.), 11 % ощущают недостаток общения с матерью, находясь в исправительном учреждении. На предложение «Считаю, что большинство матерей...», 60 % респондентов дают ответы «любят своих детей», «ждут...», «заботятся», «готовы на все ради детей».

В то же время 46 % испытуемых отмечают достаточно негативное отношение к женщинам в целом («большинство девушек, женщин – глупые, неверные, не понимают, легкого поведения, врут, предают, неразборчивые и т. д.»), отмечают приверженность женщин вредным привычкам («пьют, курят, ругаются и т. д.»), что вызывает неприятие. При этом большая часть респондентов (86,5 %) отмечают важность семейных и сексуальных отношений, недостаток которых или их ограничение ощущается в условиях отбывания наказания. Кроме этого, 57 % в числе своих нереализованных желаний и жизненных целей отмечают создание своей семьи, воспитание детей, внуков, жить с семьей. Лишь 13 % респондентов отмечают негативное отношение к своей семье в целом и ее влиянию («бросила меня», «не нужен семье», «хуже, чем у других» и т. д.). Положительную установку на родительскую семью имеют 87 % опрошенных, независимо от того, распалась ли она, отмечают позитивные моменты из детства и юности («ездил с родителями на море, отдых, в горы...», «баловали родители, любили, лелеяли и т. д.»). В целом оценивают семейную жизнь, как «обременительная, скучная, обуза и т. д.» 17,5 % испытуемых, для остальных же она необходима.

Лишь 6 % опрошенных респондентов считают, что их семья к ним относится негативно («как к постороннему, как с чужим и т. д.»). 26 % считают, что семья не воспринимает их серьезно, по – взрослому («как к маленькому, к ребенку и т. д.»).

Анализируя отношение к семье, друзьям, коллегам отмечается преобладание аффилиативной потребности (от «быть понятым, нужным, принятым...», «помогать, поддерживать коллег, подчиненных близких...» до «иметь власть», «унижать», «командовать» и т. д.). Кроме того, среди основных страхов и опасений выделяются: страх одиночества (15 %), быть непонятым, отвергнутым, обманутым, преданным (13 %), потерять семью, друзей (24 %). А среди качеств, которые больше всего ценятся в людях, друзьях, женщинах, выделяют: искренность, преданность, понимание, верность.

Среди страхов и опасений также отмечают: страх смерти, умереть (12 %), страх «себя», «совести», «кары божьей», «мести» (19,5 %), неизвестности, неожиданности, неопределенности в будущем (17,5 %), совершить ошибку, не сделать чего – либо или сделать неправильно, «сорваться», «опять сесть, попасть в тюрьму» (28 %), сказать лишнее, признаться в чем-либо, признать наличие страхов (36 %), «темноты», «высоты», «толпы», «холода, голода, бедноты...» и т. д. (17,5 %), «боли», «стать немощным, обузой» и т. д. (6 %), животных, насекомых и т. д. (12 %). Причем из всех респондентов, испытывающих страх смерти, 66,6 % осуждены за преступления, связанные с насилием против личности, убийством.

Также отмечается противоречивость отношения к себе, неустойчивость самооценки и ее большая зависимость от внешних обстоятельств и успешности предпринимаемых действий. Так, при положительной оценке своих способностей и возможностей

(«работать, достигать желаемого, обеспечивать себя и свою семью, жить самостоятельно, все изменить, начать сначала...»), 67 % респондентов достаточно остро реагируют на неудачи и отмечают их дезорганизующий для себя характер («расстраиваюсь, руки опускаются, замыкаюсь, ухожу в себя, все бросаю, психую, нервничаю и т. д.). Такая же реакция отмечается у 48 % в ответ на противодействие со стороны окружающих («ухожу, убегаю, огорчаюсь, не по себе и т. д.»).

Лишь 16 % готовы к достижениям поставленных целей, несмотря на препятствия и неудачи («не отчаиваюсь, беру себя в руки и продолжаю, настаиваю, исправляю и т. д.»), то есть имеют активную жизненную позицию, проявляют настойчивость и упорство. В то же время 37 % респондентов готовы оказывать сопротивление в ответ на противодействие от других («против всех, я при своем, я за себя и т. д.»).

Считают, что все неудачи и препятствия предопределены («так должно быть, это судьба, жду светлую полосу и т. д.») 11 % респондентов, проявляя тем самым смирение по отношению к происходящему.

Для 6 % одним из основных достижений и проявлений своих способностей выступает момент освобождения из колонии, для 7 % – выжить в колонии.

Для 9 % респондентов оценкой их способностей является уровень и качество жизни («жить красиво, иметь все, быть богатым, иметь деньги и власть...»), при этом 11 % считают деньги, красивую жизнь, власть и богатство своей основной слабостью, причем 86 % из них совершили преступление корыстно-насильственной направленности. Для данной группы респондентов характерно решительное, настойчивое достижение желаемого, несмотря на препятствия, даже если в их качестве выступает человеческая жизнь.

Лишь для 6 % опрошенных важной способностью является проявление и сохранение человеческих качеств («жить по-человечески, любить, понимать»). В то же время такие качества, как способность прощать, доверчивость, доброжелательность, имеющие ценность и значимость в любых межличностных отношениях, 27 % респондентов относят к своим слабым сторонам. К своим недостаткам так же относят и такие качества, как слабохарактерность, неуверенность, нерешительность, застенчивость и т. д. (27 %). Можно сказать, что для данной группы респондентов преступление выступает как компенсация внутренней слабости и беспомощности, способ демонстрации своей мужественности и силы.

Практически все опрошенные респонденты достаточно высоко оценивают свои способности управлять и руководить. Так, 64 % считают, что «если бы я был руководителем, то...хорошо бы относился к подчиненным, заботился бы о них, создал бы все условия» и т. д., 35 % «все бы сделали правильно, все изменили бы к лучшему и т. д.». Представляя себя в качестве руководителя, испытуемые

наделяют себя такими качествами, как «честный, справедливый» (11 %), «понимающий, помогал бы...» (13 %). Для 42 % респондентов важным является уважение и подчинение по отношению к себе: «будут слушать, выполнять, уважать...». Для 11 % руководство людьми выступает как способ самоутверждения и удовлетворения потребности во власти: «я все имел бы, был бы богатым, унижал бы» и т. д.

При этом вышестоящих лиц только 30 % респондентов оценивают положительно («умные, достойные, грамотные и т. д.»), 26 % чувствуют свою неуверенность при общении с вышестоящими лицами («нервничаю, теряюсь, робею, не по себе и т. д.»). В целом осужденные достаточно позитивно оценивают лиц, которые их превосходят, хотя 13 % отрицают их наличие вовсе, 17,5 % наделяют их негативными качествами и относят их заслуги не к собственным усилиям и стараниям, а случаю, везению. 8 % опрошенных относят к людям, которые их превосходят, тех, кто «свободен, счастлив, имеет деньги и т. д.».

Практически у всех опрошенных осужденных достаточно неопределенное отношение к своему будущему. Для 64 % восприятие будущего ограничивается фактом освобождения, при этом каждый испытывает надежду «на лучшее», и будущее кажется «светлым, хорошим, как мечта». То есть в рассуждениях о своей будущей жизни у испытуемых присутствует оптимизм, что подтверждает ранее проведенное исследование Я – концепции осужденных (3). Лишь для 6 % респондентов будущее «не существует, не наступит», и до старости «не доживу, повешусь, умру...» (11 %), «буду никому не нужным, больным, несчастным» (9 %).

Связывают свое будущее со своей семьей, воспитанием детей, внуков 35 %. Для 19,5 % старость – это «сидеть на завалянке, жить в деревне, вспоминать молодость», 8 % предпочитают встретить старость в одиночестве. Для большей части опрошенных осужденных «жить хорошо, спокойно, благополучно», «завести семью», «добиться желаемого», «быть счастливым, нужным» воспринимается нереальным, нереализованным желанием. Также нереальным считается и то, что зависит от собственных усилий: «измениться, начать сначала, стать лучше...» (24 %). Некоторые (39 %) к своим нереализованным возможностям относят «власть», «славу», «богатство», «иметь все», «жить красиво», «выделиться, быть лучше других» и т. д.

Как и большинству людей, осужденным также присуща способность мечтать. Многие мечты имеют свои истоки в детстве: стать летчиком, космонавтом, иметь много сладкого, путешествовать (19,5 %). Другие же возникли под влиянием жизненных обстоятельств: мира, любви, справедливости (26 %).

На сегодняшний день многие ученые придерживаются точки зрения, что субъективная детерминация преступлений имеет весьма сложную природу, её истоки лежат в раннем детстве человека, мотивы формируются именно в этот период, а мотивация, как правило, носит бессознательный характер.

Однако, несмотря на это, все опрошенные осужденные вспоминают лишь позитивные моменты из своего детства. Лишь для 7 % воспоминания из детства связаны со стрессовыми, критическими ситуациями: «пожар», «авария», «смерть близкого», «били». Для других респондентов, самым запоминающимся событием выступают: «первое сентября» (3 %), «первая любовь» (4 %), определенные возрастные периоды (4 %), «школа» (11 %), «детский сад» (8 %). И в целом детство было «беззаботным», «безоблачным», «ни о чем не беспокоился» и т. д. (34 %). Прошрое же, связанное с совершением преступления, осуждением и отбыванием наказания в колонии, 78 % стремятся забыть.

Практически все осужденные (90 %) испытывают чувство вины по поводу уже совершенных поступков, в частности, убийства, краж, обмана, преступлений. Однако сожаление вызывает не столько осознание противоправности своих действий, сколько последствия этих действий и поступков: «сел», «осудили», «тюрьма» и т. д. (40 %). А сами поступки выступают как результат необдуманных, ошибочных решений (11 %), воздействия алкоголя, наркотиков (11 %), влияния окружения (6 %). Лишь 5 % не сожалеют о своих проступках и при возможности что-то изменить «жил бы также», «сделал бы так же».

В целом, подводя итоги, можно отметить, что система отношений опрошенных осужденных характеризуется напряженностью, противоречивостью. Отмечается фрустрированность потребностей в любви, признании, повышенная чувствительность к знакам отвержения и недоброжелательности, страх остаться в одиночестве. Потребность в общении сочетается со стремлением избежать разочарований, ожиданием негативного отношения к себе, тем самым, оправдывая собственную непримиримость. Стремление к достижениям, самоутверждению сочетается с тенденцией к избеганию неуспеха, страхом «ошибиться», «сделать не так», преобладанием ведомой, пассивной позиции. Стремление к власти, подавлению выступает как компенсация собственной слабости и неуверенности. Удовлетворением потребности в собственной значимости, уважении со стороны окружающих определяется собственная самооценка. Большое количество страхов и опасений, присущих осужденным, может свидетельствовать об отсутствии чувства защищенности, ощущения безопасности.

Данные потребности служат источником развития внутренних конфликтов, что служит основой для формирования невротической личности. Потребности не находят своего удовлетворения либо становятся «ненасытимыми», таким образом, удовлетворение не наступает никогда (К. Хорни, 2).

Также отмечается тенденция к «выдаванию» желаемого за действительное. Так, отношение к себе со стороны окружающих, близких, родственников характеризуется уважением, пониманием, принятием, в то время как ощущается недостаток внимания как со стороны близких, так и со стороны окружающих, вышестоящих лиц. Превалирует

страх отвержения, тревожность, беспокойство, вызванные ожиданием разочарований. Власть, деньги, богатство выступают способом получить любовь и признание: «нравиться», «быть лучше всех», «владеть» и т. д. (10 %) .

Признавая свою слабость, слабохарактерность, слабоволие, подверженность соблазнам, влиянию «плохих друзей», осужденные нередко оправдывают этим свои проступки. Иногда решение внутренних проблем достигается самим фактом преступления. Для преступников в этом случае главным является преодоление собственной неуверенности, страха, тревоги, чувства неудачника, подтверждение своих волевых качеств, удовлетворение потребностей в риске и т. д. Преступление выступает как компенсация.

Таким образом, на формирование преступного поведения могут оказывать влияние следующие факторы семейного воспитания и развития:

- недостаточный уровень активности отца в процессе воспитания, его эмоциональная отчужденность;
- отношение со стороны членов семьи как к «ребенку», «маленькому», что может способство-

вать развитию незрелой личности, не способной принимать ответственность за свои поступки;

- неравномерное распределение как родительского внимания, так и материальных благ, особенно в многодетных семьях;

Коррекционный же подход к преступному поведению может заключаться в формировании социально приемлемых способов, навыков самоутверждения, самореализации и достижения желаемых целей.

Литература

1. Антонян, Ю. М. Бессознательная мотивация преступного поведения / Ю. М. Антонян // Российский психоаналитический вестник. – М., 1992. – С. 120 – 130. – Вып. 2.
2. Холл, К. Теории личности / К. Холл, Г. Линдсей. – М.: ЭКСМО-Пресс, 1999. – С. 134 – 137.
3. Чернышева, Е. В. Я-концепция осужденных / Е. В. Чернышева: автореф. дис. ... д-ра психол. наук. – Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2005.